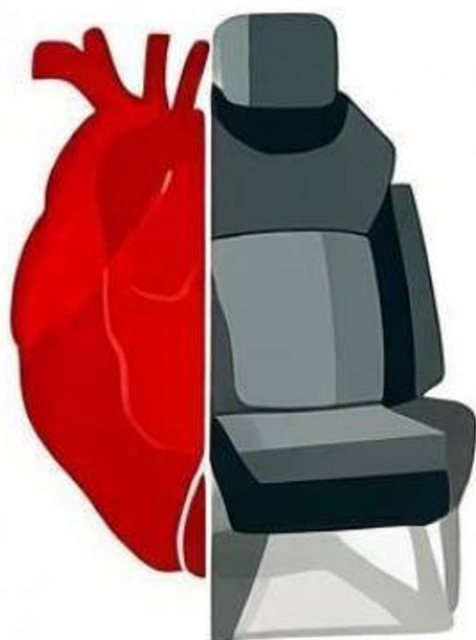

Антон Чёрный

Дом, в котором я умер

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

АНТОН ЧЁРНЫЙ

Дом, в котором я умер

«Автор»

2026

Чёрный А.

Дом, в котором я умер / А. Чёрный — «Автор», 2026

Книга для тех, кто ищет свободу. Для тех, кто готов с низов выползти на поверхность и разобраться в себе, подобно героям данного произведения. «Дом, в котором я умер» — это жесткая психологическая проза о цене свободы. О праве ошибаться, ненавидеть себя за эти ошибки и все равно продолжать грести вверх, когда легкие горят от нехватки кислорода, а спасатели уже поставили на вас крест. Это манифест для каждого, кто хоть раз чувствовал себя погребенным заживо под обломками собственных несбывшихся надежд. Выберите из кабины. Сделайте вдох. Начните плыть. Любить. Начните жить.

© Чёрный А., 2026

© Автор, 2026

Антон Чёрный

Дом, в котором я умер

Глава 1

Мы встретились с тобой в момент, когда моя душа, моё психологическое здоровье находились на грани нескольких состояний. Полное разрушение в первом – осознанность неотвратимости будущего во втором, а в третьем... Я и сам не знаю, что было в третьем.

Влюбляясь каждый день в новое, я упускаю возможность здраво воспринимать реальность. Да, это может быть сложно к пониманию. Но что есть понимание? Умение сопереживать, импонировать тому или иному событию. Действию... Человеку...

Меня можно распять на кресте за всё, что происходит в данный момент в моей жизни. Причем распятие произойдет на перевернутом кресте. Не думайте, что перед вами очередная мессия с великой целью. Предвестник счастья и невероятно приятной истории. Вероятнее всего это «крик души». Осовремененный настолько, что всю пошлость выражения сего можно разобрать на цитаты для какого-нибудь семейного застолья.

А произошло это совсем недавно. Несколько лет назад. Время, когда воспоминания ещё не перешли рубеж «далёко-приятных», но и не стали «близко-трогающими». В момент, когда твой возраст становится таким же рубежом, как и время. Призрачные годы. Две цифры, которые могут сделать тебя полным идей на будущее, желанием «постигать» новые вершины и исследовать неизвестные твоему разуму миры. Да, и конечно, время, когда любое твоё слово звучит резонансо и дерзко лишь из-за того, что книга была прочитана только на начальной стадии.. Но эти цифры... Они же могут отнять у тебя всё... Кроме прочтённой книги. Внутреннее мышление даёт больше, чем ворох идей и лицемерности юношества... А может я ошибаюсь?

Дом, в котором я умер

Глава 1

Пилот

Так тихо... *щёлк*

Кромешная тьма застилает мои испуганные глаза. Что сейчас произошло?

Такое чувство, что я нахожусь под водой. Вы должны знать это чувство.

Представьте, когда морозным вечером в пятницу, вы решаете провести вечер в кругу теплой ванны, бокала вина и ярко оранжевых свеч с запахом корицы. Всё должно идти так, как вы планируете. И оно идёт именно так, как и запланировали. Вы набираете вино в бокал, купленный на известном маркетплейсе, зажигаете свечи подаренные тётей на новоселье, выключаете свет и аккуратно опускаете своё тело в ванну. Оперевшись спиной о край вы в моменте погружаетесь под воду. Не из-за желания, а из-за трения. Нулевого трения... Это оно... Уши, заполненные мыльно-соленой водой от пены для ванн и ощущение мерзкого вакуума. Барабанные перепонки чешутся изнутри. Желание достать воду прерывается осознанностью полной разрухи маленькой комнаты, но машинально вы встаете, оперевшись руками о края чугунного гробика. Вода плещет в стороны, вино, налитое в бокал с дребезгом, разлетается по полу, а свечи шипят от пены. Идиллия. Неудавшийся идеальный вечер маленького человека...

В моём случае ванна - борт а320 авиакомпании «Оушен Эйр Бас», вино - это спрессованный пакет томатного сока, а свечи - сигнальные огни, горящие под водой. «Встрять по уши». Идеально подобранная фраза. Забавно, но сейчас я улыбаюсь. Вызван ли приток эндорфинов резким всплеском адреналина?

Требуется. А – найти выход и Б – спасти себя.

В красном свете факела атласные сиденья пассажиров эконом-класса выглядят очень футуристично. Одиссея Капитана Влада, мать его...

А его иллюминаторы зашторены напроц... Вы помните, такие серо - пластиковые шторы на гаражной распродаже? Именно так они и выглядят. Найти выход сложнее, когда ты не знаешь, на какой глубине находишься. И в какой момент давление сплющит борт так сильно, как девственно чистого парня фенилэтиламин в годы пубертата.

Редкие отблески умирающих аварийных ламп выхватывают из темноты лица. Они всё ещё пристегнуты. Некоторые - с идеально ровными проборами, некоторые - с открытыми ртами, в которых уже нет воздуха... Исключительно томатный сок высшей пробы, смешанный с благородной забортной водой. Я отвожу взгляд. Не из брезгливости - из профессиональной привычки. Этикет... Пилот не должен видеть пассажиров после того, как всё «кончено». Звучит ужасно, но это правило... Неписанное правило. Как и многие другие, написанные кровью...

Требуется А - найти выход и Б - спасти себя.

Пункт «В» отсутствует. Пункт «В» - это паника, а паника - это роскошь, которую я не могу себе позволить хотя бы потому, что мои лёгкие всё ещё работают. Воздух в кабине, видимо, остался в своего рода пузыре, спрессованном где-то между отрезком бизнес-класса и тем, что раньше было дверью в кабину. Дверь вырвало. Вместе с замком, петлями и частью моей кратковременной памяти. «Макинтош» с распаянной оперативной памятью... Я помню крен. Дикий, необъяснимый левый крен, который не брали элероны. Помню голос второго пилота, сухой и бесцветный, как лётная книжка: «Командир, мы теряем...» Что мы теряем - он не договорил.

Теперь он сидит в своём кресле, уткнувшись лицом в приборную панель, а его поза выражает крайнюю степень задумчивости. Сегодня господь – это Огюст Роден.

Если бы не одно «но» - мёртвые не бывают задумчивыми. Я тянусь к его шее, чтобы проверить пульс, но вода не даёт сделать это быстро. Движения в воде - это всегда слоумо, всегда эффект замедленной съёмки в плохом артхаусном кино. Ох, как же я ненавижу эти субботы. Девять утра – стук в дверь. «Сегодня мы смотрим «Девятое положение Будды»...

Щёлк

Пальцы нащупывают холодную кожу. Пульса нет. Зрачки расширены. Второй пилот, двадцать семь лет, холост, мечтал накопить на свою яхту и уйти в кругосветку, теперь сам стал частью кругосветного течения. «Часть корабля – часть команды»... Смешно...

Я снимаю его ремни - машинально, как будто это может ему помочь и его тело медленно всплывает, упираясь в потолок кабины. Из его нагрудного кармана выскальзывает фотография. Она кружится в воде, словно осенний лист, и я ловлю её. Девушка. Рыжая, с веснушками и улыбкой, которая не предполагает, что её обладательницу будут рассматривать на глубине сорока - пятидесяти метров под поверхностью океана. Три метра над уровнем неба, чёрт его возьми... Я засовываю фото обратно в карман рубашки и отталкиваю его тело в сторону. Прости... Яхты в этом году не будет. Как и в следующем... Уже никогда...

Щёлк

Теперь - приборы. Или то, что от них осталось. Дисплеи погасли, но аварийное питание ещё теплится где-то в аккумуляторных отсеках, потому что красные лампы горят. Я знаю эту модель. А320 - старая лошадка, не с самым умным brain'ом, но с живучим сердцем. Если аккумуля-

муляторы не замкнуло, у меня есть минут сорок светового времени, прежде чем тьма станет абсолютной. И ещё меньше - кислорода.

Я делаю глубокий вдох. Воздух уже пахнет металлом и чьим-то парфюмом. Приторный, как сироп от кашля. Где - то в хвосте раздаётся металлический стон - это вода дожимает переборки, заставляя их петь свою предсмертную песню. Каждая нота - это сжатый металл, каждая пауза - это треск пластика. Я знаю эту симфонию. Я слышал её в учебных симуляторах «Спешл ЭйрБас симулэйт», когда нас готовили к аварийному приводнению. Но симулятор не пахнет страхом. И в симуляторе у тебя есть кнопка «стоп»

Здесь кнопки нет. Здесь есть только я, несколько тонн воды вокруг и осознание того, что поверхность где-то там, наверху, и чтобы до неё добраться, нужно сначала выбраться из этого алюминиевого гроба. Я отстегиваю свое кресло и встаю. Вернее, пытаюсь встать - вода держит меня за плечи, как заботливая мать, не давая сделать резких движений. Идти приходится, хватаясь за поручни, за край кабины, за всё, что ещё не превратилось в плавучий мусор.

Салон встречает меня тишиной. Той самой, которую я описывал в начале. Но теперь я понимаю, что это за тишина. Это тишина после конца. Когда уже не кричат, не молятся, не плачут. Просто сидят, пристегнутые ремнями, и смотрят в спинки кресел впереди. Как примерные пассажиры. Как люди, которые до последнего верили, что командир корабля знает, что делает.

Командир корабля стоит по пояс в воде, смотрит на своих пассажиров и не знает, что делать. Потому что в лётной книжке не писали, как выводить людей через затопленный салон, когда иллюминаторы зашторены, а аварийные выходы заблокированы давлением. Я иду по проходу, касаясь спинок кресел. Шаг. Ещё шаг. Вода с каждым метром поднимается выше. К выходу на крыло - тому самому, что над левым двигателем, - не добраться: там сейчас сплошная стена воды, смешанной с керосином. Я чувствую его запах - резкий, химический, обещающий пожар, даже под водой.

Становится тяжелее подбирать слова в голове. Но это моя обязанность. Сойти с ума, как Дейви Джонс или взять себя в руки, как Артемий Лебедев. Смешно...

Значит, выход один. Через кабину. Через разбитый фонарь. Но фонарь - это оргстекло толщиной в несколько сантиметров, и у меня нет инструментов, чтобы его выдавить. А если и есть? Если я смогу разбить его, хватит ли мне дыхания доплыть до поверхности? И что будет, когда я всплыву? Ночь. Открытый океан. Отсутствие плота. Отсутствие маячка - он ушёл на дно вместе с хвостовой частью. Я знаю это так же точно, как и то, что меня уже списали. По документам мы упали в воду двадцать три минуты назад. Диспетчеры в «Эйрлайнс Гилти» уже зафиксировали потерю сигнала. Спасатели уже получили координаты. Но спасатели приходят за живыми. А мёртвые не ждут.

Я возвращаюсь в кабину. Пилот всё так же парит под потолком. Его рука слегка покачивается, будто он машет мне. «Давай, командир, вытаскивай нас». Я не могу вытаскать. Но я могу попробовать выбраться сам. Это не героизм. Это не трусость. Это - биология. Желание жить, вшитое в каждую клетку тела. Фенилэтиламин, о котором я вспоминал в начале, сейчас, должно быть, зашкаливает. Или адреналин. Или чёрт знает что ещё, что заставляет сердце колотиться, а мысли - становиться кристально ясными. Кристальными...

Я замечаю аварийный топор. Он крепится за креслом командира. Старый добрый пожарный топорик с рукояткой, обмотанной синей изолентой. Я хватаю его и упираясь ногами в приборную панель, начинаю бить по оргстеклу. Удар. Ещё удар. Вода гасит инерцию, но я вкладываю в каждый замах всю свою злость. На себя. На погоду. На старую железяку, которая не дотянула до полосы. Оргстекло идёт трещинами. Они расползаются, как паутина, и я понимаю, что следующий удар - решающий. Либо я пробью выход, либо вода хлынет внутрь с такой силой, что меня просто вомнёт в кресло и переломает кости.

Я бью. И мир взрывается водой. Она врывается в кабину, как живое существо, сбивает меня с ног, крутит, тащит куда-то в темноту. Я зажимаюсь. Топор выскальзывает из руки. Я больше не пилот. Я просто тело в потоке, щепка, которую несёт в неизвестность. Но в какой-то момент поток ослабевает, открываю глаза...

Джон Мёрфи... Идеальная мелодия из фильма «Саншайн». Если по этой истории снимут кино – заглавной темой будет именно эта композиция. Прекрасный, давящий звук....

Вокруг - тьма. Но тьма неполная. Где-то наверху, совсем далеко, я вижу свет. Размытый, колеблющийся, как мираж. Поверхность. Луна. Или, может быть, прожектор спасательного вертолёта. Я не знаю. Но я начинаю грести. Туда. Вверх. К воздуху. К жизни.

Лёгкие горят. Перед глазами плывут круги. Но я гребу. Потому что я - пилот. А пилот, даже умирая, ведёт свой корабль. Даже если этот корабль - его собственное тело.

Свет становится ярче. Ближе. Я уже чувствую, как вода меняет температуру - становится теплее. Или это мне кажется.

Я вынырываю. Резко, с хрипом, с кашлем, выплёвывая солёную воду и остатки перерботанного желудком томатного сок. Вокруг - ночь.

Океан.

И тишина.

... « Oh, my love my darling

I've hungered for your touch

A long lonely time

And time goes by so slowly

And time can do so much

Are you still mine?

I need your love

I need your love...»

Такая же тишина, как там, внизу. Только теперь она живая. Она полна обещания, что я выжил.

Я делаю вдох. Полной грудью. И начинаю смеяться. Потому что это и есть тот самый «третий пункт», которого я не знал. О котором не писал в начале. Третье состояние - это когда ты уже умер, но ещё жив. Когда твоя душа осталась там, на глубине, среди атласных сидений и серо-пластиковых штор, а тело - вот оно, здесь, на поверхности. И оно не знает, что ему делать дальше. Потому что спасатели не придут за тем, кто умер внутри. Они ищут живых.

Но я пока не знаю, кто я. Живой или мертвый. И это, наверное, самая страшная неизвестность из всех, что мне довелось пережить.

Я переворачиваюсь на спину, раскидываю руки и смотрю на звёзды. Они такие яркие, какими бывают только в открытом океане, где нет городской засветки. И пока я смотрю на них, в моей голове крутится только одна мысль. Цитата из книги, которую я прочитал слишком рано. «Дом, в котором я умер». Я не помню автора. Не помню сюжета. Но название подходит идеально.

Потому что мой дом - это небо. И я в нём только что умер.